

ЧИСТИЛИЩЕ

ПРОЕКТ СЕРГЕЯ ТАРМАШЕВА
«ЧИСТИЛИЩЕ»

СЕРГЕЙ ТАРМАШЕВ
«ЧИСТИЛИЩЕ»

ИГОРЬ ПРОНИН
«ЧИСТИЛИЩЕ. ИСХОД»
«ЧИСТИЛИЩЕ. ПОБЕГ»

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО
«ЧИСТИЛИЩЕ. ЯНЫЧАР»

АЛЕКСАНДР ТОКУНОВ
«ЧИСТИЛИЩЕ. ДАР УЧИТЕЛЕЙ»
«ЧИСТИЛИЩЕ. ЗАБЫТЫЕ УЧИТЕЛЯ»

ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ
«ЧИСТИЛИЩЕ. ГРАНЬ»

МИХАИЛ КЛИКИН
«ЧИСТИЛИЩЕ. ТУРИСТ»

СКОРО!

ВИКТОР ГЛУМОВ
«ЧИСТИЛИЩЕ. ЖИВОЙ»

ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ
«ЧИСТИЛИЩЕ. БРОСОК ОБРЕЧЕННЫХ»

МИХАИЛ КЛИКИН
«ЧИСТИЛИЩЕ. ЛАМИЯ»

Игорь Пронин

ЧИСТИЛИЩЕ

ПОБЕГ

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Чистилище» издается с 2014 года

Идея проекта — *Сергей Тармашев*

Художник — *Андрей Липаев*

Серийное оформление — *Николай Ковалёв*

Компьютерный дизайн — *Константин Парсаданян*

Пронин, Игорь Евгеньевич.
П81 Чистилище. Побег / Игорь Пронин. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Чистилище. Проект Сергея Тармашева).

ISBN 978-5-17-089527-4

Через тридцать лет после того, как рухнула цивилизация, потомки выживших пытаются сохранить то небольшое, что еще напоминает о былом величии человека. Им приходится сражаться с огромными стаями мутантов и находить себе скудное пропитание, чтобы не умереть с голоду. Большинство общин ждет неминуемое одичание, поэтому те, кто не согласен безропотно покориться судьбе, отправляются в рискованный путь на юг. Максиму, жителю одного из гибнущих поселений, предстоит доказать самому себе и товарищам, что он способен бросить вызов жестокому миру, и убедиться, что никакое оружие не способно помочь тому, кто достоин его носить.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089527-4

© Тармашев С.С., 2015
© Пронин И.Е., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Издательство благодарит Сергея Тармашева за предоставленное разрешение использовать название серии, а также уникальные мир и сюжет, созданные им в романе «Чистилище».

Другие произведения, написанные российскими фантастами для межавторского цикла, являются их историями, Сергей Тармашев не является соавтором этих романов и не читает их. Создатель «Чистилища» дал литераторам полную свободу, разрешив войти в мир проекта, но сам он несет ответственность только за собственную книгу.

ЧАСТЬ I

ОСЕНЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕНЬ НАД БУДУЩИМ

Все утро Максим вместе с Валькой таскал корзины с песком, подсыпая изнутри южную стену. За последнее время она опасно накренилась внутрь и весной, когда все начнет таять, вполне могла завалиться. Вообще вся Цитадель нуждалась в серьезном ремонте, но как его осуществить, Максим не понимал, а раз не понимал, то и не приставал пока к Голове. Тот и сам все видел и все пытался создать раствор для скрепления кирпичей на основе куриных яиц. Что-то даже получалось, да только все равно был раствор нестойким. При строительстве Цитадели использовали цемент, тогда

весь и извели. Теперь оставалось только подпирать те стены, что имелись, и надеяться на лучшее.

— Максим! — Алла, рыжеватая пятнадцатилетка, примчалась бегом и уставилась на него влюбленными глазами. — Максим, тебя Голова зовет!

— Подождал бы — немного осталось! — проворчал Максим. — Что-то срочное?

— А я не знаю! — Алла чуть смутилась. — Наверное, раз зовет.

— Ступай! — посоветовал Валька. — Я один, по полкорзинки, потаскаю еще. Он когда тебя зовет, то что-то важное. Для обычных дел и Косой, и Андрюха сойдут, а тебя Голова уважает.

— Уважает, как же!

Сплюнув для солидности, Максим подпоясал ветхую рабочую рубаху тонким ремешком, найденным как раз при строительстве Цитадели, и отправился к главе общины. Денек выдался погожим, даже жарким, хотя осень уже вошла в силу. Почти все общинники, за исключением стражи и мелких, разбрелись по делянкам в лесу собирать урожай. Судя по тем корзинам, которые уже доставили в Цитадель, в этом году зимой придется серьезно экономить. Зато грибов уродилось на славу! Во внутреннем дворе Цитадели всюду висели аппетитные связки. Под ними копошились мелкие, которые встретили Максима дружным ревом — привлекали внимание. Где перешагивая через детей, а где и отодвигая их ногами, Максим пробрался к теплой избе.

Голова стоял перед столом и теребил свою редкую, белесую бородавку. На столе перед ним лежали двое

мелких, близнецы. Эту пару родила Татьяна, они были ее первыми и с самого начала оказались очень болезненными. Татьяна вроде бы выходила их, но мальчишки медленно росли и едва шевелились, даже ели плохо. Теперь оба лежали перед Головой.

— Во как! — удивился Максим. — Сразу оба?

— Ага, за ночь. У двери в погреб лежали, вот только что нашел, случайно. Сколько им?

— По четыре должно быть, — припомнил Максим. — Таньке тогда тринадцать было.

— Рано рожать в тринадцать! — поморщился Голова. — Но они разве слушают? Быстрее, быстрее, лишь бы не обратиться. Зря только на этих двух харчи переводили. Ладно, дело теперь прошлое. Я что тебя позвал-то... Надо их схоронить.

— Ну... — Максим не понял, в чем проблема. — Ну да. А что?

— Да то! — Голова прошелся вдоль длинного стола, стуча по дощатому полу босыми пятками. — В общем, летом Алешка чем-то в лесу отравился, помнишь? Ну, мелкий Алешка, конопатый такой. От Василисы.

— Помню. — Максим пожал плечами. — Ему лет семь уже было. Поганок небось обожрался, дурень! Или ягод каких-нибудь.

— Ну вот! Помнишь! — Голова сжал губы в тонкую нитку, будто не решаясь что-то сказать. — Я Андрея отправил в лес, прикопать его. Тогда не очень спокойно было, мутов вроде соседи видели за рекой... Он позвал своих приятелей, вот они и пошли: с колами, с кистенями. Я еще не хотел столько бойцов сразу отпускать, но Андрей меня не послушал. Он же как вымахал здо-

ровенный — никого не слушает! Батя его обернулся в прошлом году, сам знаешь. Вот они и пошли Алешку того хоронить.

— И что? — Максим начал терять терпение. — Ты дело-то говори, что ты как кашу по тарелке размазываете?

— Съели они его, — тихо сказал Голова. — Точно знаю. Зажарили и съели. Проболтался кое-кто. Ну, я по-тихому с Андреем поговорил. Я говорю: муты — другое дело, но люди не должны есть людей, даже мертвых. Мы ведь не как муты, мы люди! А он мне: чего добру пропадать? И вообще, мол, если малой какой болеет, то все равно не жилец, и почему бы его не... Не употребить в пищу.

Максим обомлел. Это же табу! А табу — это то, чего делать нельзя ни в коем случае! Да, когда батя Андрюхи обернулся мутом, его убили и съели, так было. Но таков закон: тот, кто обернулся, отдает общине то, что может. Такое правило еще на старом месте приняла, когда Новосибир был жив. Мяса-то ведь почти нет, с лягушек не разжиреешь. Но тогда же было сказано: люди — табу. Навсегда.

— Табу, — только и выговорил он.

— Нет, выходит, для Андрея табу, — прошептал Голова. — А это страшно, Максим, ты его бойся. Но и для тех, кто тогда с ним ел, тоже нет табу — так, получается? Ох, боюсь я этой зимы. Мелких много, а урожай невелик. Даже лягух в корчагах меньше прошлого года — соли-то нет почти.

— Надо к соседям идти, менять.

— И менять не на что, и соли у соседей лишней нет, — вздохнул Голова. — Соль издалека идет, через много рук. Если где-то муты перебили общину или, может, караван какой не дошел до цели — на год можно без соли остаться, а то и на два.

— Без соли не перезимовать! — испугался Максим.

— То-то и оно! Я помню одну зиму, на старом месте. Капусты не было, огурцов, вообще ничего, одно зерно. Люди друг на друга кидаться начали, а у некоторых зубы выпадали. Как зелень первая появилась, я сам любые листочки жевал, лишь бы зеленые. Если следующая зима будет без соли — Андрей с цепи сорвется, так и знай. А с ним его приятели, Косой и остальные. Но это беда не скоро придет, а сейчас беда — вот лежит.

— Так ты хочешь, чтобы я их по-тихому схоронил, один? — догадался Максим. — Так бы и сказал, это можно.

— Можно, да только осторожно! — Голова поднял к низкому потолку кривой палец. — Андрей на них уж поглядывал, говорил: скоро мясца пожарим! Вроде шутил, а вроде и нет. Ни к чему нам перед трудной зимой его аппетит пробуждать, понимаешь? Поэтому унеси тихонько и закопай подальше от Цитадели и подальше от делянок. И пусть тебя разведчики не видят, там же все приятели Андрея. Сможешь?

— Смогу, — кивнул Максим.

Наконец-то у него в голове все сложилось. Можно было это дело и кому-нибудь из старших поручить, но, во-первых, они на делянках, а во-вторых, мимо разведчиков так, как Максим, старшие пройти не смогут. Он же и сам немало посидел в дозорах на деревьях,

а сколько еще предстоит. В этом году муты вблизи Цитадели пока не появлялись, но это может произойти в любой момент. Осенью муты идут на юг, весной — на север.

— Я пойду в сторону Осотни, — решил он. — Там Косой в секрете сегодня, но он за рекой наблюдает, а я только сотню метров пройду и прикопаю в кустарнике. Там земля мягкая. С холма Косой не заметит.

— Делай, как знаешь. Только не попадайся, прошу! Нам обострения отношений сейчас никак нельзя допустить.

Вздыхнув, Максим снял ремешок и связал им два худеньких детских тельца. Голова отвернулся, и со страдальческим выражением на лице уставился в крохотное окошко, забранное стеклом. Максим выругался про себя: от этого Головы никакого толка не было с самого начала. Слишком робок. Хотя и его можно понять: здоровенный, наглый Андрей после обращения своего бати действительно забрал себе немало власти. Теперь почти все молодые, кто покрепче, в рот ему смотрели. Взрослых меньше, понятное дело, да и не бойцы многие из них — у кого половины руки нет, как у Коли, у кого нутро больное. Вообще, взрослые в основном — плохие работники. Говорили, что это все от питания и что в прежние времена и в тридцать, и в сорок лет люди еще считались молодыми. Максим не знал, как к этому относиться: в общем-то, они не голодали, и выращиваемого на множестве делянок в лесу зерна хватало на общину. Мелкие, само собой, ели последними, ну так на то они и мелкие. Мяса, конечно, не хватало. Максим помнил еще, как

на прежнем месте держали трех коз и мелким давали каждый день хоть по глотку молока. Но коз сберечь не удалось. До постройки Цитадели дожила лишь одна курочка, первое время несла яички. Но без петушка цыплят не было, а потом и курица перестала нестись. Ее зажарили взрослые, Максим помнил этот запах, но он был еще слишком молод, чтобы рассчитывать хоть на кусочек. На старом месте может быть, наоборот, все отдали бы мелким, но в Цитадели многое изменилось. Из тех, кто помнил прежние времена, сюда уже почти никто не попал.

«Чертовы соседи, гады озерные! — вспоминал Максим, с невесомым грузом на плече проталкиваясь сквозь ораву мелких. — Продали бы нам тогда петушка — может, все бы по другому складывалось. Но их жадность обуяла: покупайте яйца! Ага, покупали. А потом у озерных какая-то болезнь кур погубила, и им тоже никто цыплят не продал. Теперь и они яйца покупают! Только они раствор хороший знают, как на яйцах делать, а нам не говорят. В чем смысл? Вот погубят нас муты, и будет от озерных до Березового сруба такое расстояние, что за день не дойдешь, а спрятаться негде, и зимой согреться негде. Что за люди?»

Он покинул Цитадель и осторожно заглянул за угол стены. Валька, сильно прихрамывая, таскал песок, Алла помогала ему. У девчушки никак не получалось забеременеть, а ведь для женщин это надежная страховка от обращения. Алла все сильнее боялась и была готова уже на все, это было известно. И Андрей, и Косой, и остальные как хотели ею пользовались, вот только толку не было никакого. Максиму было

жалко девушку, но сам он на ее заигрывания не реагировал. Не то чтобы брезговал, а скорее просто не хотел связываться. А может быть, и вовсе не хотел своих детей в Цитадели, Максим еще сам не мог в себе разобраться. Скоро двадцать и пора бы что-то решить. Невест полно, мелкие — все равно что общие и в то же время ничьи, но что-то мешало. Хотя Голова уже начинал вести с ним робкие разговоры, напоминая, что чем больше мелких, тем больше у общины будет и бойцов, и работников, а когда детей рождается мало, то это путь к вырождению.

Рывком Максим преодолел пару сотен метров, отделявших Цитадель от соснового бора. По подлеску уже следовало пройти с косой, а то весной лес делает шаг к их крепости. Допускать такого не следовало: часовые не могли постоянно пребывать в напряжении, и случалось так, что мутов замечали не сразу. Оказавшись среди сосен, Максим поправил закрепленные в петлях на портках с помочем кистень и рог — так принято было называть закрепленный на длинной деревянной рукояти кусок заточенного металла. Сразу за острым наконечником располагалась поперечина, не позволявшая муту насадиться глубже. Твари не боялись боли, а рядом с добычей забывали и о самосохранении. Рог должен был остановить мута на мгновение, которое следовало использовать для удара кистенем. Если повезет, мут, оглушенный, замрет, тогда надо поскорее его добить. Это, понятное дело, если рядом не будет других, потому что даже с двумя в одиночку справиться нет никаких шансов. Да что с двумя! Попадались разные виды гадов. Одни прыгали так, что легко

перемахивали не то что рог, а и полноценную длинную рогатину. Другие, длиннорукие, даже получив острие в горло, могли одним ударом расколоть человеку череп.

«Не дело по осени в одиночку бродить! — подумал Максим. — Но ничего не поделаешь. Нужно только закопать мелких поглубже, а то как гнить начнут — муты за версту почуют!»

Он, прищурившись, присмотрелся к сосне на холме. Там, в уютном сторожевом гнезде, притаился Косой. Его сектор — далекая речка Осотня, вдоль которой обычно и мигрируют муты. Поэтому присматриваться к тем кустам, к которым направлялся Максим, он не должен. И все же следовало быть очень осторожным: несмотря на прозвище, вызванное врожденным косоглазием парня, имени которого Максим даже не помнил, дозорным он был весьма зорким. Других община и не могла себе позволить: от них зависела жизнь всех.

Оказавшись под прикрытием уже желтеющей, но все еще густой листвы, Максим опустил тела на землю, снова подпоясался драгоценным ремешком и принялся копать могилу. Дело непростое: лопат в общине не было, если не считать деревянных, которыми отгребали зимой снег подальше от стен. В прежние времена, как он слышал, металла было много, и чего только из него не делали. В том числе лопаты: острые, прочные, способные быстро выкопать яму в любом грунте. Теперь же Максиму приходилось сперва разрыхлять землю рогом, а потом вычерпывать пригоршнями. Учитывая, что могила должна была быть глубокой, работе предстояло растянуться до вечера. Был бы рядом Валька — дело спорилось бы куда лучше, Валька

не привык отлынивать от трудов. С детства хромой, он изо всех сил старался доказать, что может быть полезен общине. Особенно последнее время, когда Андрей и его приятели начали наглеть и все чаще задирали хромого. Пока взрослые поддерживали и защищали Вальку, но после сегодняшнего разговора с Головой Максим не был уверен, что это продлится долго. Молодых больше, они сильные и злые, а Голова не способен приструнить их, характер не тот. Да и поздно уже, раньше надо было наводить порядок.

Он ненадолго прервался, чтобы отдохнуть, и задумался. То, что Голова у них так себе, не умеет заставлять других подчиняться себе, это ведь еще было полбеда. Настоящая беда была в том, что случись что с Головой — следующий будет не лучше. По традиции Головой становился самый старший мужчина. И вот теперь Максим впервые в мудрости этой традиции усомнился. Загибая пальцы, чтобы не сбиться, он прикинул четверых следующих, дальше просто не был уверен, кто из взрослых старше. Выходило, что никто из них не сможет справиться с Андреем. Не то чтобы они были слабаки — в общем-то, все характером покруче нынешнего Головы. Но... Один откровенно глуп, с детства, говорят, такой, второй не умеет ладить с людьми, третий без руки... Мало было надежды, что они смогут поставить Андрея на место и заставить подчиняться. Тем более если он уже одно табу нарушил и никак не был за это наказан.

— А что бы я делал, если бы стал Головой? — прошептал Максим, снова принимаясь за работу. — Вот так надо задачки решать. Эх, батя, не помню я тебя...

Не с кем посоветоваться. Не с Валькой же? Хотя на безрыбье и рак рыба. Валька Андрея боится, может, и посоветует что. Кстати, я забыл, что это за рыба такая — рак? Выходит, что не рыба... Надо опять спросить у взрослых. Но пока вопрос: а что бы сделал я, если бы был Головой? Я сам, без советчиков?

Утирая пот, начинавший неприятно щипать глаза, Максим продолжал бормотать себе под нос, стараясь сделать работу побыстрее. Конечно же, он боялся. Не так уж часто общинники оказываются одни. Такого, вообще-то говоря, и быть не должно! Тем более что Максим хоть вроде бы и не взрослый, но на самом-то деле давно уж в том возрасте, когда можно обратиться в мута.

— Вот что ты скажешь, Голова, если я сейчас обращусь? Ведь никто меня не заметит! Я прямо к Цитадели пойду, а там и Валька, и Алка... Да, меня заметят, конечно. Оксана заметит. Только она беременная — это раз, и узнает меня — это два. Пока приглядится, пока сообразит, что со мной... Вполне могу добежать! Если ворвусь в дом — устрою мелким веселую жизнь! Как там дядя Толя говорил? «Это будет цирк, товарищи, это будет цирк!» А потом он обратился, и действительно был цирк: маме чуть руку не отгрыз. Вот и я так же, и...

Он резко замолчал и перестал выгребать землю. Какой-то звук донесся от реки. Припав к траве, на полусогнутых ногах, Максим сместился к зарослям кустов. Послышалось? В лесу крупного зверя редко когда встретишь, всех почти пожрали муты. Птицы — и то несчастные гости, весной твари чувят их птенцов, когда те вылупляются, и лезут на деревья, к гнездам.